

«ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ» С. ЕСЕНИНА И БАЛЛАДА «ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО» Р. БЁРНСА

Пытаясь показать все богатство творческого наследия С.А. Есенина, многие исследователи подчеркивают его близость с европейской, и шире, с мировой литературной традицией. В работах М. Никё (Франция), Х. Лёффеля (Германия), в исследованиях Н.И. Шубниковой-Гусевой, О.Е. Вороновой и других учёных установлена и доказана близость художественной позиции С. Есенина и Ф. Вийона, С. Есенина и Ш. Бодлера, родство германской народной лирики и ранней поэзии Есенина, а так же тесная связь поэта с творчеством Франца Верфеля, ко всему прочему, прослеживается тесная связь Есенина и шекспировского театра в эпических поэмах «Пугачев» и «Страна негодяев». В работах А. Голкара (Иран), Г. Шипулиной, Л. Алексеевой, П. Тартаковского Глобальность лирики Есенина подчеркивается и ее тяготением к восточной, персидской тематике в цикле «Персидские мотивы».

Во многом столь глобальный синтез традиций и мотивов объясняется близостью мировосприятия того или иного автора.

В данной работе мы попытаемся расширить границы общего культурного русско-европейского пространства, сравнив миропонимание С.А. Есенина («Песнь о хлебе») и шотландского поэта Р.Бёрнса «John Barleycorn: A Ballade», известного в русском переводе С.Я. Маршака как «Джон Ячменное Зерно».

Данные стихотворения имеют ряд оснований для сравнительного анализа. Во-первых, это личность авторов. Есенин и Бёрнс – признанные классики мировой литературы, выразители национального мировосприятия своей страны. С. Есенин и сегодня в XXI веке воспринимается как поэт, воспевавший Родину, показавший все противоречия русского характера. Вот как характеризует его в своей книге О.Е. Воронова: «С.А. Есенин представляет собой редкий в профессиональном искусстве нового времени тип художника – органического носителя народной духовной и художественной культуры, чье образное мышление типологически идентично фольклорному»¹. Р.Бёрнс – коренной шотландец, тоже является национальным поэтом, сумевшим передать атмосферу шотландской культуры, оказавшейся под властью английской короны. О народно-творческой основе метода Роберта Аллоуэя Бёрнса не без восхищения отзывался его современник, известный немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гете: «Возьмите Бёрнса. Отчего он возник? Оттого, что старые песни его предшественников жили в устах народа, что они, так сказать, пелись у его колыбели, что ребенком он вырос на них, что у него было живое основание, на котором он мог создавать дальше. И он велик еще оттого, что его собственные песни тотчас проникали в народ, что их тотчас же запели косари и жнецы, что ими встречали его в кабаках веселые ребята»².

В этом же аспекте стоит отметить близость как исторических, так и эстетических контекстов творчества двух авторов. Серьёзным основанием для сравнения служит жанровая близость двух стихотворений. Упоминание о специфике их жанровой формы вынесено в названия произведений (ср.: «Песнь о хлебе» и «John Barleycorn: A Ballade»).

Ключевым основанием для сравнения является их «аграрная» тематика, связанная с процессами выращивания и уборки зерновых культур и изготовления национальных продуктов питания: пива и хлеба. Также важным при сопоставительном анализе следует считать отношение авторов к изображаемому, близкие и удаленные контексты.

¹ Воронова, О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: Научное издание/О.Е. Воронова, Рязань: Узорочье, – 2002. – С. 3.

² Колесников, Б.И. Роберт Бернс. Очерк жизни и творчества/Б.И. Колесников – М.: «Просв.», 1967 – С. 78.

Перед тем, как приступить к комплексному анализу этих двух шедевров мировой поэзии, стоит затронуть и довольно важную проблему соотношения фактора традиции в мировой литературе (так сказать, «бродячих сюжетов») и вольного перевода. На наш взгляд, вполне резонен вопрос: не является ли стихотворение «Песнь о хлебе» авторской вариацией баллады Р. Бёрнса, адаптированной к русским реалиям 20-х годов, или же в данном случае имеет место феномен «широко понимаемой культурно-исторической преемственности» (О.Е. Воронова)? Вопрос о переводе или вольном переложении мы можем ставить лишь в том случае, когда у нас есть факты, говорящие о деятельности автора в качестве переводчика, либо если в момент написания автор был непосредственно знаком с вероятным первоисточником. Подобными фактами в отношении С.А. Есенина мы не располагаем. Однако можем вполне законно предположить, что он был знаком с творчеством Бёрнса и с его стихотворением «John Barleycorn: A Ballade». Во время обучения в Народном университете им. А.Л. Шанявского С. Есенин являлся слушателем курса, посвященного истории английской литературы, лекции по которому читал профессор М.Н. Розанов³. В отзывах о предмете Есенин высоко оценивал творчество английских поэтов, а интересующее нас стихотворение является, как известно, программным в творчестве Роберта Бёрнса. На наш взгляд, в данном случае более вероятно явление традициональности, так как поверхностное знакомство с материалом первоисточника вполне реально, а литературными переводами Есенин не занимался⁴.

Сопоставляя оба текста, мы видим практически идентичную картину – изображаемый авторами процесс уборки зерновых культур в различных, с точки зрения эмоциональной окраски, трактовках. В основе сюжета обоих стихотворений – «путь зерна». Оба автора строят свое повествование по единой модели «зерна–колоса–хлеба–хлебного напитка». Данная «поэтическая модель детской сказки-мифа о происхождении простых вещей»⁵, комплексно реализуется в обоих стихотворениях.

Лейтмотивом есенинского стихотворения является *жестокость*, которую человек несет в себе изначально:

Вот она суровая жестокость,
Где весь смысл – страдания людей!
Режет серп тяжелые колосья
Как под горло режут лебедей.

В балладе Бёрнса мотив жестокости снижен, но та клятва, которую произносят короли, есть не что иное как *клятва на крови* – самая жесткая клятва. Кроме клятвы, концепт ‘жестокость’ в стихотворение Бёрнса расширяется и за счет глаголов действия с негативной семантикой: *plough'd down* и *put clods*.

³ Летопись жизни и творчества С.А. Есенина / Ю.Л. Прокушев – В 5-ти ТТ., Т.1 – М.: ИМЛИ РАН, 2003 – С. 586, 590–591.

⁴ Исключение составляет стихотворение «Село (из Тараса Шевченко)»

⁵ Материалы Международной научной конференции, посвященной 112-летию со дня рождения С.А. Есенина/О.Е.Воронова, – Москва – Константиново – Рязань: «Пресса», 2008 –С. 31.

There was three kings into the East,
Three kings both great and high,
And they *he*a sworn a solemn oath
John Barleycorn should die.

They took a plough and plough'd him down
Put clods upon his head
And they *he*a sworn a solemn oath
John Barleycorn was dead

Были три короля на востоке,
Трое все велики и высоки.
Поклялись все торжественной клятвой:
Сгинь же, Джон Барлейкорн, безвозвратно.

Они взяли плуг и запахали его,
Положив комья земли над его головой,
И поклялись на крови торжественной клятвой:
Джон Барлейкорн был мертв.

Герой Бёрнса Джон Ячменное Зерно, персонализирующий национальный характер, умирает чтобы родиться вновь. Тем самым подчеркивается, что ячменное зерно берет от скудной шотландской земли мужество и упорство, хранимое ею вечно. Вечность подобного природного цикла подчеркивается у Есенина:

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру...

Та же жестокость отождествляется с процессом сбора урожая. С помощью этой своеобразной метафоры автор отправляет нас в древнюю эпоху, в те времена, когда мировосприятие человека строилось на отождествлении себя с природой и природы с самим собой. Весь антропоморфизм повествования в этих стихотворениях глубоко символичен. Этот архаический символизм сохранился в фольклоре. И оба поэта пишут свои стихи «по самому наилучшему приему чувствования своей страны»⁶.

В 1707 г. Шотландией была подписана уния о полном присоединении к Англии. Однако национальные чувства в Шотландии были и остаются очень глубокими. Мы можем предположить, что, говоря о трех королях Бёрнс, имел в виду составные части британской территории до 1707г.: Англию, Уэльс и Ирландию, совместные войска которых завоевали Шотландию. Все это подчеркивается патриотическим пафосом стихотворения. Бёрнс неизменно верит в народ, в его мужество, непреклонность и жажду свободы. Веселая застольная песня «John Barleycorn: A Ballade» прославляет не просто ячмень и молодое пиво, она превращается под его пером в песню мужеству и стойкости народа, верным сыном которого автор остался в памяти многих читателей

У Есенина пафос особенный – философско-публицистический, не громкий, но выражающий все неравнодушие к событиям, произошедшим в стране в этот период. Описывая уборочную страду, Есенин так же, как и его шотландский собрат, использует аллегорию: «Перевязана в снопы солома, // Каждый сноп лежит как желтый труп».

Совершенное «убийство» зерна у обоих авторов описывается в мельчайших деталях, которые полностью повторяют действия крестьянина во время сбора и обработки зерна. Сначала была жатва, и Колос «свалил ударом с ног» острый горбатый нож (по переводу С.Я. Маршака). У Бёрнса момент жатвы описывается полностью:

⁶ Есенин С.А. Собр. соч. в 2тт./С.А.Есенин, М.: Советская Россия, – 1990 г. Т. 1. С. 283.

They've ta'en a weapon, long and sharp,
And cut him down the knee;
Then tied him fast upon a cart,
Like a rogue for forgerie.

Они взяли *оружие*, длинное и острое,
И *срезали* его по колено;
Затем *связали* его крепко на телеге
Как жулика за кражу.

Говоря об особенностях отрывка, описывающего жатву, стоит отдельно заострить внимание на языке стихотворения. Баллада Бёрнса отличается повышенной метафоризацией и обилием сравнений: например, коса есть не что иное как «оружие, длинное и тонкое» в дословном переводе с английского, а сам Джон Ячменное Зерно сравнивается с плутишкой, сумевшим обмануть своих недругов.

Есенин в отличие от Бёрнса смещает акцент своего иносказания в сторону мотивной композиции стихотворения. Финальным мазком для этой пейзажной зарисовки является сравнение, вобравшее в себя всю антиэстетику Ш. Бодлера:

*На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп – овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.*

В одной строфе мы наблюдаем ряд сравнений, характерный для народной поэзии, имеющий в то же время яркую имажинистскую окраску. Во-первых, лексический материал полностью направлен на создание образа своеобразной траурной процессии. Во-вторых, немаловажен тот факт, что «похоронная процессия», как и перевозка преступника к месту суда в Англии XVII в., есть действие публичное, не лишенное элементов так называемой карнавальная культуры, т.е. фольклорных традиций.

После того, как Бёрнс описал путь Джона Барлейкорна от поля до мельницы, он приступает к созданию следующей картины. Мы видим как Зерно подвергается тяжелым испытаниям на току:

They laid him down upon his back
And cudgell'd him full sore;
They hung him up before the storm
And turned him o'er and o'er

Они свалили его на спину
И *отдубасили* его до сильных ран;
Они подвесили его перед грозой
И стали вейть его снова и снова.

Первые две строчки этого четверостишия практически с точностью повторяются у Есенина, что вполне естественно: процесс сбора зерновых во многом одинаков в различных уголках мира. Однако и Бёрнс, и Есенин используют оксюморон для создания более яркой, натуралистичной картины обмолота. У Бёрнса оксюморон скрытый и выражается в динамичном противопоставлении нейтральной лексики («They laid him down upon his back») и стилистически окрашенной – «cudgell'd him full sore». В лирическом повествовании Есенина мы можем найти нечто похожее, но стилистический прием у него выражен эксплицитно:

*А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепями маленькие кости
Выбивают из худых телес.*

В отличие от Бёрнса Есенин не показывает то, как веют зерно на ветру, однако подчеркивает свою догадку о том, что ему теперь известна причина извечной жестокости людей:

Никому и в голову не встанет,
Что солома – это тоже плоть!..
Людоедке-мельнице – зубами
В рот суют те кости обмолоты.

Продолжая сравнительный анализ, интересно отметить и характерное для Есенина-имажиниста последовательное *плетение* образа (развёрнутая метафора – *Людоедка-мельница*, которая зубами обмолотит *кости*). Нечто похожее мы найдем и у Бёрнса:

And still, as sign of life appear'd;
They *toss'd him to and fro*.

They *wasted o'er* a scorching flame,
The marrow of his bones;
But *a miller us'd him worst of all*
For *he crush'd between two stones*.

И до тех пор, пока признаки жизни проявлялись,
Они швыряли его из стороны в сторону.

Они *извели его над обжигающим пламенем*
До мозга костей;
Однако *мельник* поступил с ним хуже всех,
Размолот его между двух камней

Почему же два автора, которых разделяет ни много ни мало 150 лет, употребляют одно и то же сравнение: зерна колоса – кости. Данное сравнение не просто плод авторского воображения, это следование мифопоэтической традиции древности.

При этом оба автора разводят понятия плоти и духа в этих стихотворениях, показывая гибель физическую, но оставляя место для духовного возрождения:

John Barleycorn was a hero bold,
Of noble enterprise,
For if you do but taste his blood,
T'will make you courage rise.

T'will make a man forget his woe;
T'will heighten all his joy;
T'will make the widdow's heart to sing
Tho the tear were in her eye

Джон Барлейкорн был героем с большой буквы:
Великодушным, честным
Но стоит лишь тебе отведать его кровь,
Она заставит твое мужество подрасти.

Она заставит человека забыть свое горе,
Она увеличит все его радости,
Она заставит сердце вдовы петь
Так, чтобы слеза блестела в ее глазах

Возрождение героев происходит буквально из пепла: Джон становится национальным шотландским напитком – элем (пивом), у Есенина «желтый труп» соломы становится хлебом. Вкушение данных продуктов в произведениях глубоко символично; оно, на наш взгляд, может быть интерпретировано как причащение кровью и телом Христовым. Однако в стихотворении Есенина вкушение «яда белесого» не может быть соотнесено с приятием Христа – оно ближе к Антихристу по своим семантическим корням:

И, из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.

Здесь звучит упрек обывательской жажде бесконечного потребления, ведь большинство тех, кто употребляет хлеб в пищу, не задумываются, какой ценой он достается крестьянину-труженику.

При сравнении двух финалов очевидным становится и ответ на вопрос о различной эмоциональной окраске стихотворений. Важно отметить, что смысловому различию концовок противостоит композиционная однородность – оба автора подводят итоги своего повествования финальным выводом. Бёрнс провозглашает тост во славу Джона

Барлейкорна, заканчивая своеобразную здравицу многострадальному шотландскому народу:

Then let us toast John Barleycorn
Each man a glass in hand;
And may his great posterity
Ne'er fail in old Scotland!

Теперь давайте чествовать Джона Барлейкорна:
У всех в руках бокал.
И пускай его великое потомство
Никогда не ослабнет в старушке Шотландии...

Замыкая кольцо, Есенин доводит до читателя истинное лицо жестокости в трех ее ипостасях. На просторах огромной страны раздается протяжный свист «трех королей» жестокого мира: шарлатана, убийцы и злодея:

И свистят, по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.
С. Есенин

Подводя итоги работы, вновь хотелось бы вернуться к поставленному в начале вопросу: о генетическом или типологическом типе литературного взаимодействия. Сопоставительный анализ показал, что текст Есенина – это не что иное, как адаптация общеевропейского сюжета – «пути зерна» – к русским реалиям XX в., а стихотворение Бёрнса – творческая интерпретация того же мифопоэтического сюжета с учётом исторических условий и ментальной специфики культуры Шотландии конца XVIII в.

Стихотворение Р. Бёрнса проникнуто историческим оптимизмом. Ведь Джон Ячменное Зерно рос на скудной почве, постоянно готовый сопротивляться посягательствам внешних врагов, черпая мужество в соках родной земли. Есенинское стихотворение. Отражает угрозу гуманистическому миропониманию, отразившемуся в его лирике в период духовного кризиса 1919 – 1921 гг.